

О двух модусах сознания

П. А. ПЛЮТТО

В данной статье мы постараемся обосновать тезис о *двойственности* феномена сознания, о его жизни на *границе* культуры и того, что культурой уже не является. Это – природа во *вне-* или *а-*культурном смысле этого слова. Речь здесь идет не о той природе, которая дана нам *изнутри* культуры (скажем, в естествознании и не только в нем), но о ней как о свободной от какой-нибудь культурной обусловленности и опосредованности. В сущности, вся сложность феномена сознания в его независимом от культуры рождении и одновременно в его культурной насыщенности и обусловленности, побуждающей рассматривать его как исключительно культурную реальность (и приписывать ему, соответственно, исключительно культурную природу).

Двойственная сущность сознания, рождающегося на *границе* (или, иначе говоря, образующего собой эту *границу*, – *границу* культуры и *а-*культуры), должна сочетать в себе разность двух «сред». Это может быть предметом различных интерпретаций. К примеру, такой: сознание передает через себя, «мета-форирывая» в культуру –

или «моделируя в культуре» – эту свою *а-*культурность. Смысл «модели» трактуется при этом предельно широко: модель – как и само сознание – обязательно должна быть *о* чем-то, быть моделью *чего-то*. Речь идет, таким образом, о том, что *двойственность* культурно-*а-*культурного сознания выражает себя, в частности, в том, что оно способно моделировать (и моделирует) в культуре само себя во всей своей *двойственности*.

Это обнажает природу того ускользания сознания от его внятной артикуляции в культуре (и отвечающего этой артикуляции анализа): ведь сознание не просто лежит на *границе* («на поверхности») *культуры* (и *а-*культуры), но является самой этой *границей* / *поверхностью*. Потому и в обыденной жизни сознание представляется человеку чем-то *самособой-рзуа-меющимся*: здесь речь идет о такой *поверхности*, которая является собственной *глубиной*.

ДВА МОДУСА СОЗНАНИЯ

Проанализируем двойственность сознания, представив исследуемые нами две стороны *единого* в своей *двойственности* сознания в качестве двух отдельных его модусов. Речь, соответственно, пойдет об инкультурированном и а-культурном модусах сознания.

Заметим, что об а-культурном модусе сознания уже давно говорят философы. В предисловии ко второму изданию «Символа и сознания» А.М. Пятигорский писал: «Мышление философа будет <...> мышлением о другом мышлении об (определенном) объекте. Здесь формальный, конвенциональный объект первого мышления есть не объект, а «мышление об (определенном) объекте». Последнее обстоятельство исключительно важно, поскольку мы здесь не имеем дела и с «мышлением о мышлении», с отсылкой к мыслящему, то есть здесь мы не имеем дела с *рефлексией* (в смысле (*Subjektive Reflexion (auf Einsicht)*) в собственном смысле этого слова. Что, однако, никак не исключает того, что философия сознания в других случаях может иметь дело с рефлексией, но как уже объективированным фактом сознания»¹.

Наша интерпретация данной мысли Пятигорского состоит в том, что борьба с опосредованием, объективацией, рефлексией представляет собой борьбу с самой

«мешающей философу думать» культурой (тема Сократа). Иначе это может быть понято как утверждение особого способа пребывания

в сознании/культуре, в их особом – *предельном* – состоянии, которое «устоявшейся» рефлексией («здравым смыслом») и тем, что обычно понимается под культурой, никак не назовешь. Можно сказать, что Пятигорский (как и ушедший из жизни ко времени написания этого предисловия М.К. Мамардашвили) хотели быть в качестве философов – людей *предельного* сознания – вне обыденной рефлексии и культуры. В этом они видели смысл философии: философ – а-культурное, «циничное» существо в изначальном *киническом* смысле этого слова².

Известную тему «борьбы с сознанием», предложенную Мамардашвили и Пятигорским в «Символе и сознании», можно, таким образом, понять *двояко*. С одной стороны, речь идет о борьбе с *инкультурированным* сознанием (напоминаем, что мы по-прежнему думаем лишь об инкультурированном «ликке» *единого* в своей *двойственности* сознания) с помощью... самого сознания, но сознания а-культурно-*предельного*. С другой стороны, соответственно, можно говорить о борьбе, которую ве-

¹ А.М. Пятигорский. Заметки об одной из возможных позиций философа. Предисловие ко второму изданию «Символа и сознания» // М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. 2-е изд. М., 1997. С. 10.

² Мысль о философе как об а-культурном существе является достаточно общим местом. Л. Воронина в предисловии к первому изданию «Символа и сознания» писала: «Если у человека нет свободы слова, то его свобода мысли нуждается в культуре, цепляется за социальное, тонет в духовности... Все это справедливо для интеллектуалов, или духовных лидеров, или идеологов

– но не для философов, точнее, не для философского мышления, которое, по природе своей, а-социально и а-культурно» (Л. Воронина Предисловие // М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. Символ и сознание. С.19.

дет само «устоявшееся» *инкультурированное* сознание с *предельным* сознанием как таковым. При этом получается, что инкультурированное сознание начинается с первым актом *саморефлексии* а-культурно-*предельного* сознания как такового.

На языке эпистемологии это, видимо, должно означать, что «истины» инкультурированного модула сознания есть пока еще не «развеянные», еще работающие в культуре иллюзии, и будущее заведет их именно в этом качестве, поскольку «истины» инкультурированного модула сознания могут (и рано или поздно начинают) отличаться от «истин» а-культурно-*предельного* сознания как такового. Таким образом, разговор о *двойственности* сознания вполне естественным образом перетекает в плоскость разговора об *отсутствующе присутствующей* в культуре а-культурной природе, которая выявляется с помощью – уже приведенного нами выше – способа «от противного». Повторим: речь идет не о той природе, которая увидена – понята, познана, помыслена – человеком *изнутри* культуры, не об инкультурированной природе, но об аутентичной а-культурной природе. Ее *отсутствие* в культуре, не влечет за собой тотального освобождения от нее, являя собой известный феномен *отсутствующего присутствия*³.

Сказанным, по сути дела, мы лишь утверждаем, что *в культуре* человеческое сознание *соответствует* человеческому бытию (это

подтверждает человеческая способность справляться со вторым при помощи первого), со всеми вытекающими отсюда *следствиями*. Одним из таких *следствий* и является отсутствие *в культуре* неизменного и совершенного – абсолютного – *тождества* (а точнее, единства) *сознания* и *бытия*. Сознание никогда не покрывает собой всю область, вовлеченных в преднамеренный культурный проект человеческих действий уже в силу того, что *преднамеренность* призвана обеспечить *определенность* («ограниченность») результатов таких действий. Это столь же характерно и для собственно теоретических акций сознания (в науке и в других видах интеллектуальной и духовной деятельности человека), не менее избирательных в замысле и воплощении. В культуре человеческая деятельность всегда выходит за пределы сознания *чего-то* или сознания *о* чем-то. Поэтому соответствие сознания бытию естественным образом сменяется открывающимся их несоответствием.

Иное дело – а-культурный модул сознания. В нем *сознание* и *бытие* (*форма* и *содержание*, *сакральное* и *профанное* и т.д.) еще не существуют как нечто *культурно-различное*. «Истина» а-культурного модула сознания обладает, следовательно, статусом *неоспоримости*. О ней невозможен спор, поскольку она (мечта философии!) просто *есть* та (неоспоримая) реальность, в которой существуют, *не зная ее* (в культурном смысле слова «знать»).

В целом, однако, истины *единого* в своей *двойственности* соз-

нения включают в себя как истины а-культурного модуса так и истины инкультурированного модуса

³ Анализ феномена *отсутствующего присутствия* представлен нами в работе: П.А. Плютто. Иллюзия аутентичного мифа: революция и литература // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 28–40.

знания, так и истины а-культурного его модуса. Эти два вида «истин» могут, совпадая, накладываться друг на друга, но могут и различаться. В первом случае мы говорим, что «понимаем» нечто, а в последнем – наше понимание затруднено (сознание начинает как бы «расщепляться» между двумя истинами, – культурной и а-культурной). Оставляя в стороне патологию сознания, можно сказать, что вся культура искусственно «изготавливается» сознанием по его собственному – *единому* в своей *двойственности* – образцу. Таким образом, любая вещь культуры может стать сама себе «уколом», сама себе «вопросом» и «самоотрицанием» с точки зрения истин а-культурного модуса того же сознания, по «лекалам» которого данная культурная вещь изготовлена.

ГРАНИЦА В ГРАНИЦЕ

Особенно интересными с точки зрения *единого* в своей *двойственности* сознания являются те истины (и модели их воплощения в культуре), в которых сознание явным образом *моделируется* как *граница* не только а-культурной природы и какой-либо одной области культуры (например, *эстетики*), но одновременно и другой/других областей культуры (например, *религии, философии* и/или *идеологии*). Понятно, что в таком случае эстетическое созна-

ние, например, начинает быть одновременно философским, религиозным и/или идеологическим. *Граница определенной культуры и а-культурной природы* как бы «проводится» двойной (тройной и т.д.) «жирной» чертой, в результате чего становится особенно отчетливо видна *двойственность* сознания, запечатленная в соответствующих культурных моделях.

Так, например, идея Вечной Женственности разрабатывалась в конце XIX – начале XX века одновременно и в русской религиозной философии, и в русской литературной эстетике. Вечная Женственность – понятие/образ, которое имеет ярко выраженную *двойственную, пограничную* природу телесной Красоты *вне* тленного тела: природу «бестелесного тела», *погранично совмещающего несовместимое* в культуре. Именно такое наглядное *совмещение несовместимого* (в пределе – культуры и а-культурной природы) лучше всего передает *двойственность* сознания.

В принципе *совмещение несовместимого* может эксплицироваться в любой – ведь речь идет о самом человеческом сознании – области культуры. Так, Вечная Женственность может быть не только эстетической, религиозной или философской, но и идеологической и даже – кто знает? – математической моделью *единого* в своей *двойственности* сознания.

Итак, в случае *нетленной телесности* Вечной Женственности

наглядно видно, что сознание *моделирует* в культуре свою собственную *культурно-а-культурную двойственность*. Употребляемое здесь нами и знакомое всем понятие «модель» содержит в себе *двойственность* изначально: *модель* в определенных ситуациях культуры может быть *оригиналом* (самой реальностью культуры), а сама реальность культуры (*оригинал*) в определенных условиях может быть *моделью*.

Поясним это с помощью интересных замечаний Ю. Гастева. «В силу вытекающей из определения модели симметричности отношения между каким-либо объектом (системой) и его моделью, – писал Гастев, – любую из попарно изоморфных систем мы в принципе с равным основанием можем называть моделью другой. Например,

в живописи и скульптуре моделью называют изображаемый объект»⁴. Здесь можно было бы, например, усомниться: «Живой натурщик или греческая ваза, – какая же это модель? Ведь это – оригинал!». Именно благодаря возможности такой инверсии становится видна *двойственность* сознания, в ней – в этой инверсии – лишь более наглядно проступающая. В *конечном итоге* именно *двойственность* сознания позволяет нам менять местами разные модусы сознания (в *пределе* – *культуру* и *а-культурную природу*), наделяя статусом *модели/оригинала* то одно, то другое.

В связи с этим нам хотелось бы далее сослаться на Платона, который (здесь А.Ф. Лосев, видимо, с нами бы согласился) именно эстетизировал философию: предложенная им инверсия видения си-

туации *модель/оригинал* сводится к тому, что «виды-идеи» всех вещей (как они *видятся* изнутри культуры) становятся оригиналами, а сами эти вещи – *моделями* собственных «видов» (это можно понять на таком примере: картина «Вид гавани...» – это *оригинал*, а сама гавань, с которой писалась эта картина – лишь *модель*). В этом контексте спор о том, какой из двух тезисов более верен – «Искусство лишь подражает природе!» или «Природа лишь подражает искусству!», – теряет смысл, поскольку искусство/культура, с одной стороны, и природа (в *пределе* – *а-культурная природа*) – с другой, есть лишь модусы *единого* в своей *двойственности* сознания. Можно сказать, что *граница* между *а-культурой* и *культурой* в текстах Платона проведена дважды: кистью художника и стилем философа. Мир идей – *а-культурен*; вещи – копияные «слепки» идей – *культурны*, но в сознании (в разумной душе философа) и то, и другое (*несовместимое*) *совмещается*.

Мы можем успешно «забыть» об *оригинальной* природе культурных *моделей* (или наоборот: о *модельной* природе *оригиналов* культуры) именно потому, что меняющиеся своим статусом модели/оригиналы создаются сознанием по образцу его собственной *двойственности*. Именно благодаря культурно-а-культурной двойственности сознания *любые* его артефакты легко становятся как *моделями*, так и *оригиналами*. «Какая из двух моделирующих друг друга систем <...> будет выбрана в качестве объекта исследования, а какая в качестве модели, зависит от встающих перед исследователем

<...> задач»⁵. Как только в культуре перестает быть актуальной задача поддержания идеи *са-кральности* мира – как только Высокое искусство трансформируется в технику (его *сущность-*

технэ позволяет ему это сделать) – бывшие произведения искусства становятся *моделями*, а бывшие *модели* – *оригиналами*: «Сравнивая же между собой ка-

⁴ Ю. Гастев. Модель // Философская энциклопедия. В 5 т. Т.3. М., 1964. С. 481.

⁵ Там же.

кой-либо предмет и его фотографию, мы (в нашей техногенной цивилизации. – П.П.) считаем моделью именно фотографию»⁶. В той мере, однако, в какой фотография по-прежнему претендует на роль Высокого искусства, она по-прежнему будет считать *моделью* «натурщика», а не его *снимки*. Переход искусства в технику и наоборот – пример проявления *двойственности* единого сознания.

Тем самым получается, что даже «а-культурная природа» – наш маркер для а-культурного модуса сознания – есть всего лишь *модель*, созданная нами в самой культуре, по ее интенциям, для лучшего ее – культуры – понимания. Тонкость здесь состоит лишь в том, что эта *точка зрения* все же конструируется нами *как бы вне* культуры, и с этой *точки зрения*, которую мы (в этом – сложность) сами же сконструировали по «наитию» вполне *определенных* интенций культуры, вся культура может быть увидена как «искажение» чего-то иного, что известной нам культурой не является, то есть увидена как *за-блуждение* а-культурной природы.

Наиболее важным для понимания культуры с точки зрения *двойственности* сознания является, на наш взгляд, то, что истины – совпадающие/расходящиеся –

обоих модусов сознания навсегда уже «вплетены» в общую «ткань культуры»: культуре от них, по большому счету, уже не избавиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше противопоставление культуры и а-культурной природы, совмещение которых образует *двойственность* сознания, напоминает известную философскую антитезу – принципиально важную, например, для Франкфуртской школы – *культуры* и *природы*. Мы действительно ее принимаем, но только с одной оговоркой: если «природу» понимать как ту «а-культурную природу», которая *инкультурированным* образом не *сознается* нами как «природа» *изнутри* культуры. Речь идет именно об аутентичной а-культурной природе.

Мы построили *модель* этой «аутентичной а-культурной природы» как своеобразное «зеркало» культуры, в котором надеялись увидеть саму культуру в новом ее ракурсе. О самой реальности а-культурной природы можно, конечно, только строить *предположения* (по-гречески «гипотезы», ὑπόθεσις). Однако в конечном итоге для нас не так уж и важ-

но досконально знать эту реальность. Действительно важным – во всяком случае, пока – является лишь то, что а-культурная природа представляет собой противоположность культуре: а-культура «пред-положена» культурой.

Это взаимное «пред-положение» а-культуры и культуры легко понять: оно подобно противостоянию «левого» и «правого». Люди

⁶ Там же.

условная «левая *сплошность*» окажется явно неполна без *отсутствующей присутствующей* в ней «правости», то есть без *отсутствующей* в ней (но на ней невидимо *сказывающейся*) ее собственной противоположности. Точно так же и культура противостоит не природе, увиденной *изнутри* культуры,

а тому, что ей (культуре) предшествует и из чего она вырастает.

Учитывая неизбежную искаженность а-культурной природы в культуре, можно понять впечатление об истолкованности/«изолганности»⁷ культурной человеческой жизни. Работающие в культуре истины *двойственного* сознания пытаются «снять» присущую культуре *отчужденность*, культурное *опосредование* или *разрывы* культуры. Таким образом, в реализации *двойственных* истин сознания культура *как бы* (поскольку это ей раз за разом не уда-

уже давно проживают свои жизни в особом мире *сплошной* культуры, в рамках которой даже нетронутая (культурой) *природа* оказывается по большому счету *инкультурированной*:

увиденной/понятой *изнутри* культуры. Если представить себе теперь (конечно, вполне условно) *сплошность* культуры как *сплошность* всего «левого», то эта

есть) пытается «снять» саму себя. Сама а-культурная природа просто не нуждается в этой операции «снятия» *недолжной* – буржуазной, этнически и/или религиозно чуждой и т.д. – культуры, поскольку она принципиально *а-культурна: едина, непосредственна* и лишена *культурных различий*.

Главная наша мысль состоит в том, что сознание стремится воспроизвести в культуре – *смоделировать* – само себя. Это означает, что культурно-а-культурное сознание моделирует в культуре свою собственную *двойственность*: инкультурированный модус сознания моделирует в культуре свой собственный а-культурный модус (ср. у Фрейда: «Где было Оно, должно встать Я»), это легко понять, если помнить о *двойственном единстве* человеческого сознания.

⁷ Здесь мы по-своему интерпретируем мысль М. Хайдеггера, говорившего о неизбежной *истолкованности*/«*изолганности*» человеческой жизни. Мы добавляем для ясности только два слова: *в культуре*. Если основной культурный опыт человеческой жизни, вслед за Хайдеггером, действительно принять как *интерпретативный*, то маргинальный культурный опыт должен, соответственно, бесконечно приближаться к непосредственной (*неопосредованной* культурой) буквальной Истине а-культурной природы. Это – человеческий опыт детства, душевной болезни, первобытной архаики и всего того, что имитирует эту архаику в развитой культуре: опыт тюрьмы и лагеря, войны и масштабных стихийных бедствий, голода и массовых эпидемий.